

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Василій Васильевичъ Радловъ.

5/I 1837—1918 29/IV 12/V.

Некрологъ.

(Читаетъ академикомъ С. В. Ольденбургомъ въ засѣданіи Общаго Собранія 18 (5) мая 1918 г.).

Когда умирають очень старыя люди чувство утраты какъ бы смягчается мыслью, что предѣлъ ихъ жизни ими достигнуть, что они не могли бы долѣше жить, но когда скончался Василій Васильевичъ Радловъ, то всѣ мы почувствовали, что долгіе годы еще могъ бы онъ прожить и работать, такъ много было въ немъ силъ, такъ полнонъ онъ былъ жизни. Онъ умеръ, несомнѣнно, жертвою войны и страшныхъ переживаній послѣдняго года.

Съ 7 ноября 1884 года Академія считала Василю Васильевича своимъ членомъ, тридцать три слишкомъ года проработалъ онъ въ ней, и въ широкой, въ полной мѣрѣ оправдалъ тѣ большія ожиданія, которыя питали представлявшіе его Академіи ученые и столь же полно сбылась ихъ надежда, что Василій Васильевичъ получитъ «возможность всецѣло и нераздѣльно посвятить себя научнымъ трудамъ», ибо всякій изъ насъ, знавшихъ Василю Васильевича скажетъ, что кромѣ науки онъ ничѣмъ не занимался и ей одной отдалъ всѣ свои помыслы и силы.

Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ молодой докторъ, только что защитившій диссертацию на тему «Ueber den Einfluss der Religion auf die Nationalitäten und Sprachen Hochasiens» приѣхалъ въ Россію; Василю Васильевичу тогда былъ 21 годъ. Какъ и его знаменитаго соотечественника Шлецера, В. В. Радлова влекла въ Россію мечта отсюда перебраться на Востокъ, которымъ онъ увлекся еще на школьной скамьѣ. Но Шлецеръ вернулся въ Германію, а Василій Васильевичъ жилъ и странствовалъ на Востокѣ и остался въ Россіи, въ предѣлахъ которой, за исключеніемъ рѣдкихъ, случайныхъ и краткихъ поѣздокъ на западъ онъ прожилъ и проработалъ всю жизнь. Эта жизнь и ея работа даютъ намъ право считать его русскимъ ученымъ, гордостью русской науки.

Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ началъ заниматься въ нашемъ Азіатскомъ Музеѣ, но скоро убѣдился, что безъ непосредственнаго общенія съ

народами, которые онъ хотѣлъ изучать, никакая работа не будетъ плодотворна. Онъ взялъ мѣсто учителя въ Барнауль, а лѣтними каникулами пользовался для поѣздокъ по Алтаю и киргизскимъ степямъ. Здѣсь онъ стряхнулъ съ себя книжную пыль кабинетнаго ученаго и узкую условность горожанина и сдѣлался тѣмъ глубоко жизненнымъ человѣкомъ, отзывчивостью, энергіею и широкимъ человѣческимъ опытомъ котораго мы восхищались. Такъ прошло десять лѣтъ.

Вотъ что о работѣ этихъ десяти лѣтъ говорятъ академики, предлагавшіе Василю Васильевича къ выбору въ члены Академіи Наукъ: «Если эти десятилѣтнія странствованія посреди бѣдныхъ образованіемъ племенъ были сопряжены съ многими трудностями и лишениями, къ преодолѣнію которыхъ ученый путешественникъ почерпалъ силы единственно въ сознаніи научной пользы задуманныхъ имъ изслѣдованій, то достигнутые имъ результаты, по важности своей, вполне вознаградили положенный на нихъ трудъ. Изъ собранныхъ помощью ихъ наблюденій и матеріаловъ возникло нѣсколько ученыхъ сочиненій, упрочившихъ за В. В. Радловымъ несомнѣнное и неоспоримое право считаться первымъ знатокомъ Тюркскихъ нарѣчій».

Въ этомъ важномъ отзывѣ трехъ ученѣйшихъ академиковъ Видемана, Наука и Бетлингга, изъ которыхъ послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ замѣчательнаго изслѣдованія въ области турецкой филологіи, есть однако одно мѣсто, съ которымъ не согласился бы Василій Васильевичъ и съ которымъ не согласятся тѣ, кто имѣлъ счастье дышать необъятнымъ просторомъ Азіи, передъ которыми природа Европы кажется такой жалкой и игрушечной: трудности и лишения путешествій, о которыхъ говорятъ съ кабинетной точки зрѣнія знаменитые ученые, были для Радлова счастіемъ и наслажденіемъ; недаромъ онъ это время считалъ счастливейшимъ въ своей жизни.

Собирая матеріалы по языкамъ разнообразнѣйшихъ турецкихъ племенъ, В. В. Радловъ велъ параллельно и изслѣдованіе собираемаго матеріала. Результаты этой систематической собирательской и изслѣдовательской работы выразились въ рядѣ крупныхъ изданій и трудовъ: серія томовъ «Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ», первый томъ которой появился въ 1866 г. и обнимаетъ «поднарѣчія Алтая». Предисловіе къ этому первому тому указываетъ планъ всей работы, раздѣленной В. В. Радловымъ на три части: тексты, съ переводами, затѣмъ общій для всѣхъ нарѣчій словарь и наконецъ сравнительную грамматику. Монументальный словарь, начатый въ 1888 г., былъ доведенъ до конца; за нимъ послѣдовалъ не оконченный при жизни Василя Васильевича «Уйгурскій» словарь; фонетика сѣверныхъ турецкихъ языковъ, съ этно-

графическимъ обзорѣемъ сѣверныхъ турецкихъ племенъ вышла въ 1882 г.; послѣ нея вышелъ рядъ работъ, связанныхъ съ разными вопросами турецкой грамматики: Василій Васильевичъ могъ быть покоенъ: основа зданія самостоятельнаго изученія турецкихъ племенъ была имъ заложена, была создана новая филологическая дисциплина — турецкая филологія, и онъ имѣлъ право сказать, что это дѣло его рукъ: турецкая филологія навсегда соединена съ именемъ Василя Васильевича Радлова — ея основатели.

Здѣсь не время останавливаться на всемъ томъ, о чемъ я надѣюсь подробнѣе сказать въ другомъ мѣстѣ, теперь же я только напомню Вамъ въ краткихъ чертахъ ходъ дальнѣйшей научной работы Василя Васильевича. Его алтайскія, а потомъ и туркестанскія поѣздки дали прекрасный общій очеркъ «Aus Sibirien» (издано въ двухъ томахъ въ 1884 г., 2 изд. 1893 г.) и рядъ интересныхъ, главнымъ образомъ этнографическихъ, статей въ русскихъ и иностранныхъ научныхъ журналахъ; кромѣ того столь важныя для Сибирской Археологіи «Сибирскія древности», результатъ его раскопокъ и обработки археологическаго матеріала.

Когда замѣчательная находка Н. М. Ядринцева на Орхонѣ обнаружила существованіе турецкихъ руническихъ надписей, привлечшихъ къ себѣ вниманіе и финскихъ ученыхъ, Василій Васильевичъ со свойственной ему энергіею провелъ проектъ академической экспедиціи на Орхонъ, былъ лично на мѣстахъ находокъ, не страшась трудностей, и уже въ 1892 г. опубликовалъ предварительный отчетъ своей экспедиціи, за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ турецкимъ надписямъ. Правда общій разборъ надписей удалось сдѣлать до него знаменитому В. Томсену, заслуги котораго Василій Васильевичъ всегда ставилъ чрезвычайно высоко, но В. В. Радлову принадлежитъ первый полный переводъ надписей, руководствуясь которымъ другіе могли, конечно, внести впослѣдствіи рядъ поправокъ: Василій Васильевичъ никогда не боялся вступать первымъ въ неизвѣданную страну, не боялся ошибокъ, памятуя о старинномъ реченіи «ошибками учимся».

Когда зимою 1897 я принесъ ему найденные мною въ привезенныхъ изъ Турфана Роборовскимъ и Козловымъ вещахъ отрывки двуязычныхъ уйгурскихъ и савскритскихъ рукописей, Василій Васильевичъ рѣшилъ сейчасъ же снарядить экспедицію въ Турфанъ, куда по порученію Академіи Наукъ въ 1898 при содѣйствіи В. В. Радлова отправился Д. А. Клеменцъ, съ женою Е. Н. и М. С. Андреевымъ. Привезенный имъ уйгурскій матеріалъ былъ немедленно изданъ Василю Васильевичемъ. Когда затѣмъ по почину Василя Васильевича былъ образованъ «Русскій Комитетъ по изученію Средней и Восточной Азіи», онъ связалъ со своимъ именемъ дѣя-

тельное изученіе древностей Китайскаго Туркестана, куда былъ снаряженъ рядъ экспедицій и изученіе уйгурской литературы по буддизму и манихейству, которымъ онъ посвящалъ послѣдніе годы своей жизни. Нельзя не удивляться тому молодому увлеченію, съ которымъ В. В. уже въ глубокой старости, не боясь никакихъ трудностей, погрузился въ невѣдомые ему до того сложные міры манихейства и буддизма, радуясь каждой новой находкѣ, каждой разрѣшенной загадкѣ.

Съ 1894 г. Василій Васильевичъ сдѣлался Директоромъ Музея по Антропологии и Этнографіи, который тогда былъ въ сущности просто небольшой этнографической частью старой петровской Кунсткамеры. Двадцать четыре года пламеннаго, не найду лучшаго слова, — труда положилъ онъ на Музей, и теперь передъ нами большой научный институтъ! Помню хорошо эти старыя героическія времена Музея, когда Василій Васильевичъ, вмѣстѣ съ Д. А. Клеменцомъ, проводилъ цѣлые дни въ Музей, участвуя самъ въ разборкѣ коллекцій и ихъ установкѣ, помню какъ онъ радовался малѣйшему содѣйствію его работѣ, и интересу къ Музею. И всѣ вокругъ него загорались его любовью къ дѣлу, къ Музею, работали за гроши, работали даромъ, лишь бы помочь Музею. Много свѣтлаго и радостнаго нашелъ онъ въ этой работѣ, но и много тяжелаго. Онъ горячился, волновался, спорилъ, а потомъ опять успокаивался за работою. У Василія Васильевича была черта свойственная вообще большимъ людямъ: онъ не боялся критики и не обижался никогда на нее — ему можно было всегда прямо въ лицо сказать все, что думаешь, какъ бы рѣзки и отрицательны не были въ ту минуту и мысли и слова. Онъ спорилъ, но никогда не чувствовалъ и не помнилъ обиды.

Потребовалось бы много времени, чтобы полно очертить богатую, цѣннѣйшую научную работу В. В. Радлова, указать ея пути и достиженія, указать на результаты его исключительно блестящей организаторской дѣятельности, но надѣюсь, что мнѣ пока хоть отчасти, въ этихъ краткихъ поминальныхъ словахъ удалось выяснитъ сдѣланное этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Замѣчательнымъ и большимъ человѣкомъ мы вправѣ его называть, и Вы всѣ признаете навѣрное, что со смертію его Россія потеряла большого ученаго, а Академія одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ членовъ, безгранично ей преданнаго. Съ нимъ сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ ученыхъ того поколѣнія создателей востоковѣдѣнія, которые умѣли соединять широту кругозора съ углубленностью специальныхъ знаній; подобныхъ имъ уже не будетъ и потому память о нихъ для насъ особенно дорога и имѣетъ для насъ особенное значеніе могучимъ творчествомъ ихъ жизненной работы.
